

ТЕРРИТОРИЯ РЯЗАНОВА

Сегодня известный кинорежиссер отмечает очень круглую дату

1928 - 1997 - 18 ноября - с. 5.

Замечательному российскому кинорежиссеру, создателю любимых народом фильмов (не станем перечислять их, они на памяти у каждого) Эльдару Рязанову исполняется 70. Эта солидная цифра как-то не вяжется со всем его облик, с иронически озорной манерой поведения, редкостным умением заразить окружающих своей неистовой влюбленностью в жизнь, в многокрасочность повседневной действительности. Издательство "Вагриус" подготовило к юбилею книгу "Необъятный Рязанов". В ней собраны суждения о нем коллег по искусству. "Труд" приводит некоторые из них и поздравляет Мастера, одного из постоянных друзей наших читателей. Знаем, что в эти дни он работает над комедийным сценарием. Будем с нетерпением ждать новой рязановской ленты.

Лия АХЕДЖАКОВА

ТИГР В ОДНОКОМНАТНОЙ КВАРТИРЕ

С чего у нас все началось? Эльдар Александрович пригласил меня сниматься в "Иронии судьбы". А я, решив, что это очень незначительная роль — прийти поздравить подругу с Новым годом и уйти — такое и натурщица может сделать, собралась отказаться. Но не по телефону, а лично — из уважения к Рязанову. Приехала к нему и говорю: "Вы знаете, я это не буду играть, потому что там совсем делать нечего. А мне у вас хочется играть большую серьезную роль. Ну, пусть небольшую, но серьезную, а не "шерочка с машерочкой пришли-ушли". И Рязанов сказал фразу, которую я повторяю уже двадцать пять лет: "Лучше сняться у хорошего режиссера в маленькой роли, чем у плохого режиссера в большой роли". И, не знаю как, меня уговорил. Он умеет уговаривать...

...Вполне допускаю, что вот в "Небесах обетованных" кто-то передо мной мог отказаться от роли. И подарил мне эту потрясающую возможность! От съемок в "Небесах обетованных" у меня очень хорошее послевкусие осталось. У меня редкая работа легко идет. А там легко шло, и, по-моему, не только у меня — у всех. Хотя физически и чисто бытово приходилось довольно тяжело. Работали на холоде, в грязи, снималось все на настоящей помойке, которая соседствовала с гранитной мастерской, где надгробные памятники делали. Все время хотелось закутаться: троллейбус, который по фильму был моим домом на помойке, не отапливался. Но я ни разу даже не простудилась. Снег, который в "Небесах обетованных", делали из целлулоида, конечно, впился мне в зрачок — но тут же вынули, глаз целый остался, я не ослепла. Потом опять дали этот проклятый снег из целлулоида — такие остряки, которые несутся в воздухе с помощью машины, — Господь помог: после команды "мотор! съемка!" вдруг настоящий снег повалил, которого по закону природы быть не могло. Вообще "Небеса обетованные" — удивительная картина в работе: все нам было в помощь, все — во благо! Единственный раз за всю мою жизнь такое случилось.

Хотя во время съемок, было дело, нам со Щукиной даже по колено в жидких помоях утопать

пришлось. Была около "Мосфильма" особая помойка, да и сейчас, по-моему, есть. Помню, когда снимали эту большую и страшную сцену, вокруг в жидкой гадости плавали бинты, бльничные отбросы, гниющие дыни, которые какая-то машина сгрузила. И мы со Щукиной туда падали. А Броневой не полез в "миазмы", руководил с "берега". Мне кажется, это была лучшая моя сцена. Но потом Рязанов решил убрать целую сюжетную линию, которая ему по мысли казалась злой, а вместе с ней вырезал и наш "помощный" эпизод. То же и со "Служебным романом": вылетела одна моя сцена. А мне-то казалось, что лучше я никогда не играла, очень глубоко тогда переживала. Но чего только не стерпишь ради Эльдара Александровича!

Зато в "Гараже" для меня впервые в жизни роль написали. Проявилась такая вот деятельная любовь. Или, точнее, деятельная дружба. Мне тогда и в театре ничего не светило, никаких ролей, и в кино за меня особенно не дрались. И вдруг такой мастер в полном расцвете сил ищет для меня роль, да еще с нежностью, а потом я с такими актерами снимаюсь! Конечно, это — подарок, который окрыляет. Но, мне кажется, там есть какие-то несыгранные вещи. Потому что, играя, я должна быть абсолютно безответственна. Вот тогда у меня текут слезы, тогда все идет легко. А в "Гараже" я ощущала жуткую ответственность — меня окружали актеры, чье мнение мне было очень дорого, блистательные кино- и театральные мастера. А вот в "Небесах обетованных"

я ничего такого не испытывала. Может, потому, что у меня только что мама умерла и все остальное стало уже неважно. Рязанов тогда появился и предложил роль в самую тяжелую минуту моей жизни, когда казалось: потеряла все. И главным стали не театр, кино, не самоутверждение, а боль, которая мучила в душе. Поэтому на съемках делала все безответственно, с легкостью, более того

Эльдару Рязанову нравится сидеть на коленях у Геннадия Хазанова.

Фото Лява ШЕРСТЕННИКОВА.

— работа меня очень сильно отвлекла от грустной моей судьбы.

И потом, тогда на съемках между нами всеми такая дружба была. С Валией Гафтом мне всегда в кино легко. Помню, как мы ехали в маленьком автобусе, и у Вали на коленях сидел Рома Карцев, которому места не хватало. И вот эта поездка, когда рядом — Гафт, Карцев, Невинный, Дуров, Оля Волкова, — была просто что-то несусветное, какое-то невероятное шоу. Рома, сидя у Вали на коленях, стал читать нам последние свои вещи, представляете? И мы хохотали, аплодировали, все было замечательно. Эльдар Александрович на своей "территории" умеет создать атмосферу, в которой люди ужасно талантливы в жизни. Помню, на съемке "Гаража" я все время оказывалась рядом с Жорой Бурковым. И он первый рассказал мне о Бердяеве — это была божественная лекция! Жора ведь был страшно образованным человеком, умницей. Но на "территории" Эльдара Александровича не только он — все расцветали. Общение шло через эпиграммы, анекдоты, юмор.

Представьте, на "Небесах обетованных" Рома Карцев, который на помойке был моим соседом, входил ко мне и вместо того чтобы, как все люди, спросить: "Ну, что хорошего?", говорил: "Ну, что плохого?" А плохого было, как всегда, много — то не привезли реквизит, то погода совершенно никуда не годилась, то нет кого-то из актеров — "замена" в спектакле. Но только существование все равно оказывалось не это. Потому что Эльдар Александрович вокруг себя — на своей ли даче, где собираются гости, на своем юбилее, на съемочной площадке — умеет сделать так, что все оставляют за дверями боль, раны, грусть, занудство. И всегда в "среде" Рязанова люди становятся блестящими. Тут все — роскошное: юмор, доброта, дружба, воспоминания. У людей шлюзы открываются, но шлюзы не слез, которые остаются за дверями, а — нежности, иронии. У меня был тяжелый период в моей актерской жизни, когда я очень мало играла, когда возникла боязнь перед профессией. И именно Эльдар Александрович меня из этой боязни вытянул, избавил от страшного ощущения, что я — шпион, который вот-вот засыплется.

Безответственность же ко мне пришла Изгостарь "Гаража" прежде всего: от этой картины вся Россия тогда стонала. Но, знаете, каждой ролью можно себе что-то накаркать. И я каждую свою роль потом в жизни воплотила. А ситуация из "Гаража" переживаю сейчас в своем доме. Мне нужно было для машины поставить "ракушку" на стоянке. Тогда и

поняла: то, что мы сыграли в "Гараже", — еще мягко. На дворе — девяносто седьмой год, а советский человек так и остался в "ракушке": это слово я от "ракушки" и "гадюшника" произвела. Ведь занималась я не квартирой, не гаражом, а проклятой этой маленькой "ракушкой" — и как же все к этому причастные ноги вытирали об меня! Я с такими амбициями столкнулась. Оказывается, существуют начальники, которые сами себя выдвинули. У нас — три двора вместе, три стоянки. И есть главный начальник над тремя стоянками, есть — его заместитель, и вы представить себе не можете, как выглядит тот "вице-ракушечник". А есть еще и третий, который — начальник только над нашей стоянкой. И все они собираются на собраниях. Я тут спросила, почему заняли мою стоянку, которую я еще двадцать лет назад "вытянула" при голосовании — помните, как в "Гараже" мы "тянули"? И мне в ответ: "А почему вы восемнадцатого числа не были на общем собрании "ракушечников"? Я говорю: "Извините, я была на гастролях в Изра-

вилье. И то, что я потом обнаружил в нем как в человеке, в его режиссуре угадывалось. Он — очень тонкий человек, хоть на вид и толст. И это изумительно!

Первый раз мы общались на предмет съемки в "Гусарской балладе". Я там не сгодилась. Но Эльдар Александрович даже отказ мне сделал комплиментарно. Он сказал: "Алиса, ваша неистребимая женственность мне не годится. Мне нужен мальчик". Как можно обижаться на такое? И вообще актер должен привыкнуть к тому, что его либо берут, либо нет: мы народ подчиненный. Потом Рязанов позвал меня на роль Алевтины в "Зигзаг удачи": уже не по принципу "неистребимой женственности", а по принципу явной некрасивости, как я поняла. И тогда не смогла сниматься я. Как раз должна была родиться Варюшка, я ходила на сносях. Конечно, испытывала чувство вины, хотя и невольной.

Дальше был "Служебный роман". Театр меня совсем неохотно отпускал на съемки — не нравилось, что должна уезжать на большой срок: раньше я все по мелочам снималась. И Рязанов театр "готовил" очень долго и тщательно. Заранее все продумал, рассчитал. Нагрузка на меня тогда легла совершенно дикая, иногда по шесть ночей приходилось проводить в поезде, ездила из Москвы в Ленинград туда — обратно. Бывало, после "Стрелы" попадала в кадр такая помятая! Но Эльдар Александрович со мной обращался очень бережно. Давал поспать, а когда такой возможности не было, настраивал гримера, чтобы мне делалась всякие припарки к "морде лица" — разгладить бессонные ночи.

Работали мы замечательно. Рязанов любит театр, понимает его и сниматься приглашает, как правило, театральных актеров. Он учитывает нашу привычку работать последовательно, крупными сценами и не торопит, как это обычно делается в кино, а так выстраивает процесс, чтобы все шло для нас легко, привычно. И продуктивно, что самое главное. К тому же Эльдар Александрович — очень непосредственный человек. И обязательную нужду театрального актера в зрителе он компенсировал с лихвой: сам был большим зрительным залом и заражал своими эмоциями всех на площадке. Поэтому всякая съемка становилась маленьким спектаклем.

Рязанов сам любит импровизацию и разрешает ее актерам. Понимает, что все ненужное потом отстрижет. Естественно, кто шутит, тот рискует, и какие-то глупости на съемках допускались. В результате съемок "Служебного романа" у Эльдара Александровича оказался огромный материал, которого, как он говорил, на четыре фильма хватит. Ну и какие-то сцены пришлось потом изымать, отсекал. Но обид у меня никаких не было.

Потом Рязанов предложил мне роль Огудаловой в "Жестоком романсе". Я очень удивилась: как, почему? А Эльдар Александрович объяснил, что ему не нужна монстринка, которая гробит одну дочку за другой. А нужна несчастная женщина, которая осталась вдовой, еще будучи молодой. Как выразился Рязанов, "еще сама годна в дело". Но ей нужно пристроить трех дочерей-бесприданниц, да не выходит — идет ляпус за ляпусом, несчастье за несчастьем. Так что у Огудаловой — отдельная драма, не только семейная, но и своя женская. Потому она и крутится, как уж на сковородке, и дочерей бы замуж выдать, и себя не забыть.

Трудно привыкнуть, что Рязанову — уже семьдесят: он внутренне очень молод. В нем сохранились элементы детства, которые дают возможность челове-

иле!" — "Ну, это уважительная причина. Но если вы не будете ходить на собрания, конечно, мы вас выгоним".

Я уже сказала, что встречаемся мы с Рязановым редко. Но мы с ним все равно связаны очень сильно, помимо "видеться — не видеться". Он в жизни — абсолютно такой же, как на съемках. Только вот на съемочной площадке у него бывают приступы бешенства. Раз на "Гараже" кто-то во время сцены Немоляевой, когда та по роли сходит с ума, разговаривал. А эта сцена не давалась в сценарии, переписывалась, и окончательно готовой Рязанов ее принес рано утром прямо перед съемкой. И очень волновался, как Света сыграет, хотя бояться было нечего вроде бы — "востребованная" актриса в замечательной форме! И тут еще за декорацией голос — то громкий, то тихий, то шипящий, то хихикающий. Тогда Эльдар Александрович вдруг развернулся всей своей массой, сшиб декорацию и несколько фонарей, бежал и кричал такое нецензурное и непечатное! А на другой день у него была температура сорок один.

И был еще один взрыв бешенства на "Гараже", когда на съемках в "большой" перерыв не обошлось без возлияний. После перерыва Рязанов пришел и выяснил, что войско пало, снимать невозможно. И первым схватил за грудки Жорку Буркова, поднял, что-то стал кричать. А Жорка висел в воздухе, хотя тоже, как и Рязанов, высокий. Так вот, после этого взрыва — опять у Рязанова сорок один температура была. Он во время таких "взрывов", как зверь становится, может все сокрушить. Но даже когда все ладится, благостным Рязанов не бывает. Просто тогда он выглядит, как если бы тигр в однокомнатной квартире развселлился: прыгал бы, стоял на задних лапах, вспрыгивал бы на стол, на кровать. А вот в мирном созерцательном состоянии нирваны Эльдара Александровича можно наблюдать крайне редко. Я такого что-то не помню.

Алиса ФРЕЙНДЛИХ

ЭЛИКСИР МОЛОДОСТИ ОТ ЭЛЬДАРА

Есть люди, которых я люблю, цену, есть те, которых боюсь. А Рязанова я обожаю и ничего другого тут не могу сказать. Его — много, он — большой, широкий, добрый, нежный, умный, с юмором. Все то, что я высочайшим образом ценю в людях, в нем есть. До нашей встречи я очень уважала его как режиссера, все, что он снимал, мне нра-

ку не стареть, хотя по убеждениям, знаниям, опыту он, конечно, — человек зрелый. Просто кто-то взрослеет раньше срока, а Эльдар Александрович в какой-то части своего организма остался ребенком. Эту грань я и дальше желаю ему соблюсти. Пусть он сохранит в себе детство, не впадая в детство. И еще, хоть он и прелестно сотрудничает с телевидением, пусть не забывает свое главное предназначение — кино. Хватило бы ему только на это сил. Да и спонсоров — этого режиссеру сегодня тоже приходится желье.

Все мои слова в адрес Рязанова — от души. Мне было с ним очень хорошо и комфортно. Такое удивительное состояние "однопланетарности" существование. А это — бесценный подарок судьбы.

Лия АХЕДЖАКОВА и Алиса ФРЕЙНДЛИХ в фильме «Служебный роман».